

С. С. МАЛХАСЯНЦ

ИСТОРИК СЕБЕОС

(Аноним и Марбас Мцурнийский)

Епископ Себеос Багратунийский занимает видное место среди древних армянских историков. Он написал историю „современных бедствий“, в дни и годы пяти царей, пяти византийских императоров: Маврикия, Фоки, Ираклия, Ираклия-Константина и Ираклиона, т. е. за период 582—641 гг. н. э. Главной целью автора было описание войн между персидским царем Хосровом Парвезом и византийским императором Ираклием, нанесших сокрушительный удар могуществу Сасанидов, которые вследствие этих решительных поражений оказались настолько ослабевшими, что не смогли серьезно сопротивляться нашествию арабов, в короткое время целиком покоривших некогда грозную Персию. Последний сасанидский царь Иазкерт (Яздегерд) был умерщвлен в изгнании в 552 г. и с ним прекратилась династия Сасанидов.

Рядом с описанием внешнеполитических событий автор не забывает очертить и внутреннее состояние Армении, лишенной в то время национальной власти и находившейся в подчинении у Персии, Византии и арабов. Владетельные князья страны, „нахарары“, представлявшие Армению той эпохи, лавировали между этими тремя могущественными державами: переходили со своими дружинами на сторону то одного, то другого государства, или замыслили восстать против своих поработителей. Но из-за отсутствия сильной центральной объединяющей власти и междоусобных раздоров эти восстания не достигали желаемой цели.

Главной части своей истории автор предпосылает вступление, состоящее в свою очередь из двух частей: в первой он кратко излагает начальную, легендарную историю Армении, для чего им была использована книга Марбаса Мцурнийского (гл. I); вторая

заключает исторические события, начиная от восстания парфян против Селевкидов до конца Аршакидской династии в Армении с двумя синхроническими таблицами (гл. II—V). Таким образом, история Себеоса состоит из трех отделов: 1) легендарная эпоха, 2) историческое прошлое (гл. II—V) и 3) современные автору события (гл. VI и сл.).

Труд епископа Себеоса — ценный источник для истории не только Армении, но и Персии и Византии, до воцарения Моавии. Автор — современник событий, хорошо знакомый с территорией, на которой происходили столкновения трех великих держав, — соблюдает точную хронологию описываемых событий. Он сообщает много интересных подробностей, которых нет у других историков той эпохи. А для изучения внутренней жизни тогдашней Армении это единственный и вполне достоверный источник.

Изучению истории Себеоса посвящено много статей на армянском, русском и западноевропейских языках. В предисловии к моему изданию Себеоса приведены имена 22 арменистов с их мнениями относительно труда Себеоса и моими замечаниями. Но странно: все ученые, за исключением Акиняна, занимались не собственно историей Себеоса, а выдвинутым ими Анонимом, автором якобы первых двух отделов, и вопросом об отношении Себеосова источника Марабаса Мцурнийского к источнику Моисея Хоренского — Марабасу Катина. Разбору этих двух проблем и посвящена настоящая моя статья.

I. АНОНИМ

Чтобы понять, как родился на свет Аноним (собственно два Анонима), необходимо познакомиться с состоянием рукописи истории Себеоса и работой над ней первых двух ее издателей.

Рукопись Себеоса не имеет ни заглавия, ни имени автора, а прямо начинается следующими словами: „Мне пришлось не по собственной надобности привятыся за описание неопisanного времени... упоминая некоторые мифы, к сему я присовокуплю то, что произошло позже, и вкратце изложу бедственные обстоятельства нынешних времен, упоминая годы и дни пяти царей. Я загляну в книгу философа Мараба Мцурнийского епископа, что он нашел начертанной на камне в городе Мцбине... она (надпись) имела следующее содержание: „Я, писец Агафангел, начертал на этом камне своей рукой годы древних армянских царей по повелению храброго Трдата, извлекиши из царского архива“. Затем следует рассказ о борьбе Хайка с Белом и его наследников,

до нашествия Шамирам в Армению, против Арая и о его потомках до возвышения царства Аршакидов. Затем следует глава II: „Восстание парфян (против Селевкидов), происшедшее в это время“. В ней повествуется о свержении парфянином Аршаком Храбрым селевкидского ига, о воцарении его брата Аршака Младшего в Армении. Далее перечисляются парфянские цари, до последнего представителя этой династии — Артавана, и список армянских Аршакидов, преемников Аршака Младшего, до царя Папа, сына Аршака II.

Глава III начинается так: „Теперь, если угодно тебе, о любознательный читатель, я повторю по историям Мойсея Хоренского и Степаноса Таронского, достоверных и правдивых писателей, родословную (царей) от отца к сыну“. Здесь (по Хоренскому и другому автору) приводится список парфянских царей до Артавана, восшествие на престол Арташира Сасанида, его преемника. Далее следует отрывок о происхождении рода мамиконянов, а затем синхронистическая таблица царей — армянских, начиная с Хосрова I, персидских и византийских — до прекращения Аршакидской династии в Армении.

В следующей главе IV продолжается синхронистическая таблица персидских и византийских царей до падения династии Сасанидов в Персии (этим событием и кончается история Себеоса).

В главах V, VI и VII — краткое изложение событий в Армении и Персии, перечень персидских марзпанов в Армении до прекращения династии Сасанидов. Затем следует „Прелюдия“, носящая заглавие: „Книга современная, история царская... о Хосрове Парвезе, который разжег пожаром всю поднебсную, принес гибель на всю землю“.

С главы VIII начинается современная история, кончающаяся главой L — воцарением Моавии и установлением мира в 661 г.

Первый издатель истории Себеоса, Т. Михрдатян, заметив, что она содержит рассказы о трех разных эпохах, счел уместным разделить книгу на три отдела, причем над каждым отделом выставил заглавие: „История Себеоса отд. I... отд. II... отд. III“ и под каждым отделом примечание: „В тексте стояла глава I... глава III“ и пр. Как ни произвольно было это изменение в первоначальной форме Себеоса, все же оно извинительно тем, что Михрдатян давал отчет о своих изменениях, и читатель мог, на основании его указаний, восстановить текст Себеоса в первоначальном виде.

Проф. К. Патканьян (Патканов), первый переводчик Себеоса на русский язык, в предисловии к своему переводу замечает, что два первых отдела 1-го издания принадлежат не Себеосу, а двум

неизвестным авторам, случайно попавшим в историю Себеоса. Главными аргументами проф. Патканова были следующие: 1) Эти отделы не имеют ничего общего с императором Ираклием, историю которого обещает написать Себеос (в первых изданиях книга носила название: „История Себеоса об Ираклии“). 2) В заглавии второго отдела упоминается рядом с Хоренским история Степаноса Таронаци, а это не кто иной, как писатель начала VI в. Степанос Таронаци, по прозвищу Асогик. Действительно, в этом отделе находим отрывок, слово в слово сходный с Асогиком.

В своем 2-м издании истории Себеоса (СПб. 1879) проф. Патканов оформил внешний вид книги сообразно со своим представлением о ее содержании: из первых двух отделов он выкинул слова „История Себеоса“, оставив лишь подзаголовки „Отдел I“, „Отдел II“, а из третьего отдела исключил его подзаголовок „Отдел III“, оставив лишь „История Себеоса“; выкинул вышеупомянутые примечания Михрдатяна под страницами: „В тексте стояла глава I“ и пр. Таким образом, получилось полное преобразование истории Себеоса. Открывая книгу, читатель встречает загадочный „Отдел I“, безымянный, без всякого заглавия, через несколько страниц — „Отдел II“, также безымянный, затем следует „Прелюдия“, а дальше заглавие „История Себеоса“, — гл. I и сл. Таким образом, первые два отдела изолированы и отделены от истории Себеоса, являются как бы чуждыми отрывками, случайно приложенными к этой истории. Так появился на свет пресловутый Аноним.

И вот ученые арменисты стали ломать голову, чтобы разгадать — кто этот Аноним, когда он жил, почему его произведение попало в книгу Себеоса и пр. Было высказано много догадок. Я вкратце остановлюсь на работах академика Н. Я. Марра и проф. Халатянца. Н. Я. Марр поместил в „Византийском Временнике“ (1894) исследование „О начальной истории Анонима“. Марр касается лишь первого отдела; второй отдел он оставляет без внимания, как произведение позднейшего времени. Говоря о первом отделе, Марр, подобно Патканову, также указывает, что он не имеет ничего общего с историей Себеоса. Труд Анонима, по мнению Марра, — древнейший дошедший до нас памятник на армянском языке, основанный отчасти на народных сказаниях, а отчасти на апокрифической истории пяти царей. Марр находит, что Аноним старше Хоренского, что последний при составлении списков парфянских и армянских царей пользовался списком Анонима. Впоследствии другой, неизвестный автор переработал труд Анонима, написал имя Агафангела, упомянутого в этом отделе, и выпустил подлинного Марабаса, который послужил затем источником для

Моисея Хоренского. Дальше Н. Я. Марр замечает, что, судя по вступлению первого отдела, автор обещает написать современную историю, но ее там нет: или автор позабыл исполнить свое обещание, или если он ее написал, то дошедшие до нас рукописи дефектны. При этом Н. Я. Марр обращает внимание на то обстоятельство, что к истории Себеоса приложены два безымянных отдела, а у Фауста Византийского, наоборот, недостает двух первых отделов о начальной истории Армении, хотя автор заявляет, что его книга заключает и начальную историю. На основании этого Н. Я. Марр высказывает предположение, что Аноним — это сам Фауст Византийский и что безымянные два отдела в начале истории Себеоса — это недостающие два отдела в истории Фауста.

Проф. Г. Халатьянц в своем „Армянском эпосе“ посвящает первому отделу Анонима большую главу „Аноним как поздний писатель“.¹ Г. Халатьянц находит „поразительное сходство“, почти „тождество между этим отделом и историей Себеоса в способе изложения, наборе слов, во взглядах и пр.“. Он это объясняет влиянием Себеоса на Анонима. Отдел составлен между второй половиной VIII и концом IX в. Цель составления этого памятника — возвеличение княжеского рода Багратуни, и так как Себеос — историк и рода Багратуни, с той же тенденцией, то показалось естественным приложить труд Анонима к истории Себеоса. Хоренский, по мнению Халатьянца, был знаком с трудом Анонима и много пользовался им в своей истории. Возможно даже, — говорит Халатьянц, — что Хоренский и есть автор этого отдела — „по остроумному мнению Гутшмида, так как, по его мнению, времена составления этого отдела и истории Хоренского совпадают“.

Эти заключения Н. Марра и Г. Халатьянца, столь противоположные друг другу, показались мне неубедительными. Я стал подробно изучать историю Себеоса совокупно с обоими отделами и пришел к совершенно иному заключению, а именно — что как первый, так и второй отделы написаны самим Себеосом и составляют неотъемлемую часть его истории. Я пришел к этому выводу, не будучи еще знаком с рукописью Себеоса и с 1-м его изданием, а зная эту работу лишь по изданию Патканова. Я изложил свое мнение в книжке „История Себеоса и Моисей Хоренский“ (Тифлис, 1899). Здесь я вынужден ограничиться лишь перечислением тезисов, которые в книжке доказывал подробно.

1. Указанный в главе II отдела Степанос Таронаци — не Асогик, как утверждал Патканов, а другой, более древний автор.

¹ Г. Халатьянц. Армянский эпос. М., 1896, стр. 53—105.

2. Этот автор, Степанос Таронаци (не Асогик), стал известным. Он был найден, и в 1868 г. был опубликован один хронологический трактат, автором которого назван в рукописи 1330 г. Степанос Таронаци, „ученик св. Месропа“. Этот же Степанос Таронаци упоминается отдельно еще у трех разных авторов.

3. Отрывок о Парфянской династии, который имеется и у Асогика, принадлежит Себеосу, а не Асогику. Последний в числе своих источников называет также и Себеоса, у которого переписывает целые страницы; это он сделал и в данном случае, как доказывает подробное сравнение.

4. Отделы первый и второй составляют вступительную часть истории Себеоса и заключают непрерывную краткую историю Армении, начиная с легендарных времен до VI в., откуда начинается ее современная история.

5. Вступительные слова первого отдела, в которых автор обещает описать современные ему исторические события, становятся понятными лишь в том случае, если оба отдела принять за начало современной истории Себеоса. Тогда естественным образом объясняются „поразительное сходство“, почти „тождество“ между названными отделами и Себеосом, на что обратил внимание Халатьянц. Разъяснится тогда и недоразумение Н. Я. Марра, который полагал, что Аноним вероятно позабыл исполнить свое обещание написать современную ему историю.

6. Отделы и Себеос всюду солидарны между собой и по историческим и по хронологическим вопросам,— например оба считают, что династия армянских Аршакидов прекратилась при Врамшапухе и совсем незнакомы с действительным последним царем Арташиром; оба считают, что Магомет вышел по божьей воле из пустыни Синая, чтобы опустошать вселенную; оба определяют продолжительность династии Сасанидов на сто лет больше действительности; у обоих границы Армении показаны совершенно одинаково; как хронология второго отдела, так и история Себеоса доведены до прекращения династии Сасанидов в Персии.

7. Язык, слог, собственные имена, манера писать, указывать источники — у обоих тождественны, как характеризовал Г. Халатьянц, приводя много примеров, к которым я прибавил еще немало новых.

В результате я пришел к следующим выводам:

1. Не существовало Анонимов, и так называемые отделы первый и второй написаны самим Себеосом.

2. Себеос в заглавии главы III называет Моисея Хоренского, как достоверного историка, в качестве своего источника и

действительно пользуется его историей в хронологии царей Парфянской династии.

3. История Себеоса написана в 661 г.

Отсюда следует, что:

4. История Моисея Хоренского существовала и была широко известна до 661 г.

Этот вывод был конечной целью моего исследования, ибо в 90-х годах прошлого столетия разгорелся спор о том — когда именно написана история Хоренского. Ученый французский арменист Каррьер в нескольких статьях доказывал, что Моисей Хоренский пользовался жизнеописанием св. Сильвестра в армянском переводе, сделанном в 678 г., следовательно история Хоренского написана позже этой даты. „До 678 г. не существовало истории Хоренского“. Моим исследованием я постарался доказать, что она существовала и использовалась еще задолго до этой даты.

Два критика, проф. Адонц (в 1901 г.) и Акинян (в 1927 г.), вполне одобрили мою основную мысль, что так называемые первый и второй отделы принадлежат Себеосу и составляют вступительную часть его истории. Но оба они не соглашались со мной в том, что Себеос, по собственному его признанию, пользовался Хоренским: оба находились под влиянием шумевшего тогда „разоблачения“ Каррьерера. Но главное было мною достигнуто: Аноним или два Анонима исчезли, просуществовав около 20 лет и успев за это время сделать немало зла.

2. МАРАБАС МЦУРНИЙСКИЙ

Вторым вопросом при анализе истории Себеоса является Марабас Мцурнийский, которым пользовался Себеос при изложении легендарной истории Армении. Кто был этот Марабас, какое отношение он имеет к Марабасу Катина Хоренского, а также к истории Фауста Византийского? Эти вопросы разбирались в работах проф. Адонца, Матикяна и Акиняна.

В своем исследовании¹ проф. Адонц пришел к заключению, что Моисей Хоренский при составлении хронологии Парфян и Сасанидов и армянских Аршакидов пользовался так называемыми первым и вторым отделами Себеоса. Но так как существовало много коренных противоречий между Хоренским и этими якобы его источниками, то Адонц прибегает к следующим предположениям, весьма мало убедительным.

¹ Византийский Временник, т. VIII, 1901, № 1, 2.

Марабасовская начальная история представляет скудные обрывки народных воспоминаний о древней судьбе своей страны. Она произошла и сформировалась в верховьях Евфрата и областях Даранаги и Екегяц. Эта история попадает в руки ученого философа Марабы, родом из Мцург. Он заносит этот ценный памятник в Низибин. Здесь он претерпевает изменения в кругу учеников Марабы, которые его основательно переработали.

Первоначальный подлинник истории, Мцурнийский, попал в книгу Фауста Византийского на греческом языке на рубеже IV и V вв. При переводе на армянский язык переводчик исключил начальные книги Фауста, ибо первая заключала сведения о языческом периоде Армении, а вторая — известные из других источников сведения об апостолах Фаддее и Григории. Поэтому Лазарь Парпский, знакомый с армянским переводом Фауста Византийского, не знает его первых двух отделов. Другой же, Мцурнийский, подлинник начальной истории Марабаса, попал в руки Себеоса, который и поместил его в свою историю. Марабасовская книга у Хоренского генетически связана с Себеосовской редакцией. Хоренский пользовался источником Марабаса, сохранившимся у Себеоса.

Эти произвольные и маловероятные догадки Адонца опровергаются фактами. Так, предположение о существовании двух редакций книги Марабаса, т. е. Мцурнийской и Низибинской, — одна из которых была использована в греческом оригинале Фауста, но исключена при переводе на армянский язык, — опровергается всеми признанным фактом, что история Фауста — не перевод, а оригинальное сочинение, написанное на армянском языке. Относительно же связи между Моисеем Хоренским и Себеосовским Марабасом нужно сказать, что в действительности происходило совершенно противоположное, как увидим ниже.

В 1913 г. в Вене вышла книжка Матикяна „Аноним или лже-Себеос“. Автор приводит два рассказа из истории Прокопия (VI в.). Первый, весьма сходный с повествованием Фауста, касается последних дней царя Аршака II. Во втором говорится, что первым армянским царем из династии Аршакидов был Аршак, брат парфянского царя. В обоих случаях Прокопий ссылается на армянскую историю. Но первый рассказ есть у Фауста Византийского, второго же нет, а имеется он в первом отделе Себеоса. Из этого Матикян заключает, что под историей Армении Прокопий подразумевает историю Фауста и что второй рассказ Прокопия заключается в первой книге Фауста, ныне утерянной. Из этого вытекает, по Матикяну, что Хоренский пользовался Марабасовским источником,

а потому названный у Хоренского Марабас Катина не кто иной, как Фауст Византийский в его полном объеме (т. е. с книгами 1—6).

Следующим (насколько мне известно, последним) исследованием является книжка Акиняна „Себеос, епископ Багратунийский, и его история об Ираклии“ (Вена, 1924). Это исследование отличается от всех предыдущих тем, что касается всей истории Себеоса, а не только первых двух отделов. Автор подробно рассматривает вопросы: печатные издания Себеоса, имя автора, содержание истории, имя Ираклия, заглавие книги, ценность и значение истории, время ее составления. В конце исследования Акинян приводит список переводов и рецензий на эту книгу.

По вопросу о взаимоотношениях между Себеосом и Хоренским Акинян, будучи убежденным последователем Каррьера, уверен, что Хоренский, как писатель IX в., пользовался историей Себеоса. Но, по мнению Акиняна, у Себеоса во время Хоренского не было еще „Книги Марабаса“, а была „Надпись Агафангела“. Хоренский „Надпись Агафангела“ переделал в книгу Марабаса. Марабас — собственное измышление Хоренского. Впоследствии, под влиянием авторитета истории Хоренского, в текст Себеоса включили также книгу Марабаса. Убеждение, что Хоренский — поздний писатель, настолько незыблемо у Акиняна, что он, всецело согласившись со мной в том, что отделы написаны самим Себеосом, как неотъемлемые и необходимые части его истории, тем не менее оспаривает подлинность главы III, где упоминаются имена Моисея Хоренского и Степаноса Таронаци. По его мнению, эта глава — более поздняя вставка.

Мы видим, какой разницей царит у критиков по вопросу о Себеосовском Марабасе. Все они согласны лишь в одном: Хоренский, как поздний писатель, пользовался Себеосовским Марабасом как источником для своей истории, в остальном же все эти исследователи противоречат друг другу, приводят различные необоснованные догадки, предполагают воображаемые интерполяции и прочие изменения в тексте Себеоса. А между тем, „ларчик просто открывался“.

В „Известиях Института истории и литературы Армянского филиала АН СССР“ (кн. 1, 1937) я поместил статью „Хоренский и Себеос“, в которой доказал, что именно Себеосовский Марабас Мцурнийский пользовался историей Хоренского, а не наоборот. В то время у всех арменистов прочно установилось убеждение, что Хоренский — писатель VIII—IX вв. Еще в 1930 г. Акинян опубликовал исследование, в котором утверждал, что история, приписываемая Моисею Хоренскому, написана не им, а историком

Гевондом в 20-х годах IX в., и что слова „Моисей“ и „Хоренский“ присочинены впоследствии и приложены к труду Гевонда. А спустя 4 года, в 1934 г., академик Я. А. Манандян издал брошюру „Разрешение проблемы Хоренского“. Эту проблему он разрешил тем, что история Хоренского написана в 60-х годах IX в. самим Моисеем Хоренским, который, однако, в своей истории выдает себя за ученика Саака и Месропа, т. е. за человека, жившего в V в.

При такой постановке вопроса о Хоренском моя статья явилась для арменистов полной неожиданностью. В ней я не прибегал к произвольным предположениям, а останавливался лишь на фактах, представленных текстом Себеосовского Марабаса. Я обратил внимание на имя соперника родоначальника Хайка. Этот соперник у Себеосовского Марабаса называется Бэлом Титанидом, царем Титанидом, Титаном. Точно такими же терминами он называется и у Хоренского. Нет сомнения, что эти прозвища и эпитет Титанид заимствованы одним из этих авторов у другого. Но кто из них автор, кто заимствующий? Все арменисты без исключения утверждали, что заимствовал Хоренский, как автор IX в. Я пошел другим путем: исследовал обоих авторов, чтобы доискаться, нет ли у них признака авторства этих эпитетов. Себеосовский Марабас не дает ответа на этот вопрос. Эти эпитеты приводятся у него как бы готовые известные прозвища, без всяких объяснений. Между тем у Хоренского они вполне объяснены и обоснованы.

Известно, что Хоренский народные сказания и языческие легенды считает аллегориями, под которыми скрываются действительные события; на этом основании он часто „толкует“ эти аллегии, т. е. обнаруживает скрытую под ними действительность. Так поступает он и в главе VI своей первой книги. Он приводит одну строфу Бебровозской Сивиллы: „Властвовали на земле Эрван, Титан, Иапетосте“, и тут же „толкует“ эту аллегию, говоря: „Это, мне кажется, Сим, Хам и Иафет“, т. е. под тремя мифическими именами он подразумевает библейских лиц, трех сыновей Ноя. Значит, под именем сивилловского Титана Хоренский понимает библейского Хама, следовательно аллегорический термин Титанид у Хоренского равнозначен библейскому слову „Хамид“. Далее, в главе VI той же книги Хоренский доказывает, что Бэл языческих писателей не кто иной, как библейский исполин Нимрод, третий потомок Хама (по библии, Хам родил Куша, Куш родил Нимрода). Таким образом, языческий аллегорический термин Бэл Титанид, по Хоренскому, в переводе на библейский язык, является определенным лицом, Нимродом, Хамидом.

Здесь может возникнуть вопрос: отчего же Хоренский употребляет мифическое (т. е. аллегорическое) название Бэл Титанид вместо действительного имени Нимрода Хамида? Но Хоренский, конечно, не посмел бы употреблять название Нимрода Хамида, ведь он этим внес бы добавление к библейскому сказанию, описав его убийство от руки Хайка, чего нет в Библии, — оказался бы в роли продолжателя Библии. Он имел дело с аллегорическим именем Бэла. Его заслуга в том, чтобы показать, кто этот аллегорический Бэл. Доказав это, он его обозначил аллегорическим же именем Титанида, а не Хамида. Так же поступил он и с Хайком, пятым потомком библейского Иафета, по Хоренскому, хотя это имя не упоминается в Библии. Он его называет не Иафетидом, по библейской терминологии, а аллегорическим именем Иапегосте.

Из этого следует, что в общем и у Себеоса и у Хоренского автором термина Титанид, Бэл, бесспорно является Хоренский, но не Себеосовский Марабас. Более того: только Хоренский мог быть создателем этого термина, ибо для сравнения Бэл — Нимрод, Титанид — Хамид необходимо было иметь три предпосылки: 1) народные сказания и языческие легенды — аллегии; 2) знакомство с Гебровской Сивиллой и 3) Бэл-Нимроду. А эти три предпосылки свойственны одному Хоренскому — и никому другому. Отсюда следует, что себеосовский Марабас знал Хоренского и использовал созданные им термины Титанид, Бэл и пр.

Другой пример. В той же главе себеосовский Марабас говорит: „Хайк ушел из Вавилона... отправился и переселился в Араратскую землю, в доме у подножия горы, который впервые построил отец Зрван вместе... и с братьями“. Здесь — что ни слово, то загадка: кто этот Зрван-отец, какой дом был построен впервые, какая это гора, у подножия которой был построен дом, что это за река? На эти вопросы нет ответа у Себеоса, зато прекрасное объяснение находим мы опять в истории Моисея Хоренского. Здесь (кн. I, гл. VI) историк рассказывает: когда Ксисутр (Ной) плыл в Армению и встретился с сушей, один из его сыновей, Сим, отправился на северо-запад разведать страну. Он встретил поле при продолговатой горе, через которое проходила вода в Ассирию. Здесь он приостановился на два лунных месяца, гору он назвал своим именем (Сим) и снова вернулся на юго-восток. А один из его младших сыновей, Тарбан, с 30 сыновьями и 15 дочерьми с их мужьями поселился у реки, отделившись от отца, построил дом вместе с братьями при реке, по имени Тарон.

Там же рассказывается, что Сим некоторое время прожил в земле бактрийцев, и здесь тоже остался один из его сыновей,

ибо восточные народы именуют Сима Зрваном, а край до сих пор называют Заравандом.

Из этого повествования Хоренского все вышеприведенные загадки становятся ясными: Зрван — это языческое название сына Ноя, Сима; гора, которую встретили, — это Сим (Илитавр); река, протекающая по полю, — Евфрат; дом, построенный Тарбаном вместе (с) братьями, — первое поселение армян при реке, носящей древнейшее название провинции Тарон.

Таким образом, факт знакомства с Хоренским не только Себеоса, но и его источника Марабаса, вне всякого сомнения. Если раньше, при одном упоминании у Себеоса в заглавии главы III историка Моисея Хоренского, критики решались утверждать (хотя без всякого основания), что эта глава — позднейшая вставка, то при трех или даже четырех доказательствах знакомства Себеоса и его Марабаса с историей Хоренского стало невозможно огульно провозглашать все эти места позднейшими вставками.

Себеос написал в 661 г.; он знает историю Хоренского и пользуется ею, значит история Хоренского существовала и имела известность до 661 г. Более точные даты жизни Хоренского и составления его истории, как памятника V в., указаны мною в другой моей работе — „К проблеме Моисея Хоренского“ и в новом переводе истории Хоренского на ново-армянский язык (Ереван, 1940).

История Себеоса в 4-м издании (Ереван, 1939) под моей редакцией впервые представлена в том виде, как написана автором. В ней сделано много улучшений, исправлено более 100 искажений, но осталось еще много неправильностей; ибо недостает двух листов, выпавших из рукописи. Эти недостатки возможно исправить лишь в том случае, если найдется новая рукопись, лучшая, чем существующая ныне рукопись 1672 г.
